

гилевичу и Головацкому, так как последние на подозрении у австрийского правительства. Однако Д. И. Зубрицкий по-прежнему выражал им симпатии, хлопотал о них¹³. Очевидно, автору осталась не известной книга, изданная Студницким, где помещены дружеские письма Д. И. Зубрицкого к Я. Ф. Головацкому в этот период¹⁴.

Пытаясь противопоставить Д. И. Зубрицкого Русской троице, Г. Ю. Гербильский отмечает, что тот не имел ничего общего со взглядами Шашкевича, Вагилевича и Головацкого (стр. 81), и тут же прибавляет, что в отдельных вопросах «оценки "троицы" и Зубрицкого сближались», — так у них были сходные взгляды по вопросу о претензиях польской шляхты на Восточную Галичину, т. е., добавим мы, по самому кардинальному вопросу.

Ни словом не упоминает автор и об этнографической деятельности Д. И. Зубрицкого. Между тем, еще задолго до этнографических работ М. С. Шашкевича, И. Н. Вагилевича и Я. Ф. Головацкого Зубрицкий первым в Галичине обратил внимание на огромное историческое значение народных песен Галичины, на их своеобразие и красоту и опубликовал некоторые из них вместе с нстами в своей работе «О галицких народных песнях», вышедшей во Львове в 1823 г.

В заключение следует еще раз отметить, что книга выиграла бы, если бы автор более продуманно подошел к сложному вопросу об этнической принадлежности галичан и не допускал бы терминологической путаницы в определениях.

Т. Аристова

Б. О. Долгих. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.* Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Новая серия, т. LV, М., 1960, 622 стр.

Книга Б. О. Долгих, посвященная анализу родоплеменного состава народов Сибири в XVII в., представляет собой результат многолетних исследований автора. Установление этнического состава и этнографической структуры коренного населения Сибири в период включения ее в пределы Русского государства является большим открытием. Решить эту смелую задачу, о которой еще недавно могли только мечтать сибиреведы — историки и этнографы, автору удалось благодаря включению в научный оборот новых исторических источников, сплошного их исследования с привлечением позднейших этнографических, топонимических, лингвистических и статистических данных. Документальной основой работы являются архивные материалы XVII в.

Народы Сибири интересовали царизм главным образом как поставщики драгоценной пушнины. Естественно, что усилия местной русской администрации были направлены в первую очередь на сбор ясака — подати, выплачиваемой мехами. В XVII в. выработалась определенная система взимания ясака с сибирских народов. Документы о ясачном сборе (книги сбора ясака, сметные и пометные списки, шертвозальные росписи, донесения о сборе и недоборе ясака), являющиеся своего рода статистическим материалом (в них указана численность ясачных плательщиков, количество внесенной пушнины), послужили основным источником для определения численности отдельных родоплеменных групп XVII в. Применяя различные коэффициенты к числу упомянутых в документах ясачных людей, автор определил численность всего населения той или иной группы, уезда или волости.

Упоминания о районах кочевек, пунктах сбора ясака, местах столкновений, встречающихся в документах XVII в., в сопоставлении с этнографическими данными о расселении отдельных народностей, позволили нанести на карту ареалы распространения всех крупных родоплеменных групп Сибири. Свой метод автор очень кратко изложил во введении. Приводимый в книге обширный материал — в соответствии с источниками — сгруппирован по уездам.

Первая часть работы территориально охватывает всю Западную Сибирь и состоит из двенадцати глав, соответствующих двенадцати уездам; вторая часть — Среднюю Сибирь (шесть глав), третья часть — Восточную Сибирь (две больших главы). В каждой главе автор указывает границы уезда, приводит данные об основании главных острожков и зимовий и материалы, показывающие численность и движение населения на протяжении XVII в., а также расселение, этническую принадлежность и родоплеменную структуру каждой этнической группы. Логическим завершением работы служит карта распространения этнических групп, племен и родов народов Сибири в XVII в. и сводная таблица, показывающая численность и этнический состав коренного населения Сибири.

Не вдаваясь в пересказ содержания каждой из двадцати глав, мы позволим себе отметить то основное и новое, что дает рецензируемая работа в отношении истории и

¹³ См.: «Письма к М. П. Погодину из славянских земель», вып. 3, стр. 570.

¹⁴ См.: «Корреспонденция Якова Головацкого в летах 1835—1849», Львов, 1909.

этнографии отдельных народов Сибири. В XVII в. русские служилые люди на Урале столкнулись с вогулами (манси). Численность и расселение их освещены в первых трех главах (Верхотурский, Пелымский и Туринский уезды). Хотя население этих уездов нередко именовалось татарами, автор, основываясь на анализе списков ясачных людей и на позднейших этнографических наблюдениях, убедительно показал, что это были вогулы-манси.

Вогулы в то время представляли собой небольшую народность; по подсчетам Б. О. Долгих, их общая численность была 5140 чел. У вогулов автор выявил три разряда объединений: племя, род (обозначавшийся обычно русским термином «волость») и подразделение рода — юрт. Полемизуя с С. В. Бахрушиным, автор выдвинул убедительные аргументы в пользу того, что упоминаемые в документах вогульские Пелымское и Кондинское княжества — не феодальные образования, а племенные группировки с сильной аристократией.

Соседи вогулов — остяки (ханты) обитали в Тобольском, Березовском и Сургутском уездах. У остяков-хантов Б. О. Долгих также удалось выявить племена (Казымская, Сосьвинская волости), а также осколки племенных образований, родовые группы, и показать прямую связь с их группировками XIX в. Так, куноватские остяки вошли в Куноватскую волость Березовского округа, белогорские, ендырские, кодские остяки — в Котскую управу Березовского округа.

В главах IV—VI (Тюменский, Тарский и Тобольский уезды) приведены данные о численности, расселении и родоплеменной структуре западносибирских татар, занимавшихся скотоводством, коневодством и отчасти земледелием. Общая численность этой группы была около 12 тыс. чел. Татары подразделялись на волости и юрты. Однако для западносибирских татар родоплеменная структура, по мнению автора, была пережитком; у них преобладали территориальные объединения.

Такой же пережиточный характер носила родоплеменная структура томских татар (около 2500 чел.). У них были и племенные образования и конгломераты родов разного происхождения. Весьма интересные данные привел автор о тюрках Кузнецкого уезда — абинцах (предках северных шорцев), кондомских и мрасских шорцах, кумандицах, шелканцах, тубаларах и других. В этой главе автор изложил некоторые материалы о так называемых «белых калмыках» и енисейских кыргызах, тесно соприкасавшихся с населением Кузнецкого уезда. Думается, что данные об этих народах можно было бы расширить. Архивные документы ярко освещают их историю.

Совсем иная картина родоплеменных связей раскрывается на материалах, касающихся оленеводов — самоедов (ненцев) и примыкавших к ним групп. В отношении самоедов в русских документах впервые широко стал применяться термин «род». Очевидно, он и был основной социальной единицей. У самоедов в отличие от вогулов, остяков и татар родоплеменное деление выступало весьма явственно. В Березовском уезде было три племенных группировки самоедов: обдорская, казымская и войкарская. Обдорские самоеды делились на 18 родов. Казымские и войкарские — на два рода. Родовые группы у самоедов были прочными социальными организациями. Численность отдельных самоедских родов колебалась от нескольких десятков до нескольких сот человек. Род у самодийцев-олленеводов, как хорошо показано в работе, не превратился еще в XVII в. в омертвленную социальную единицу. Заслуживает внимания материал о фратриальном делении самоедских родов. Так, роды обдорских самоедов в XVII в., по современным этнографическим данным, можно распределить между фратриями Харючи и Вануйта. Наиболее отчетливо родоплеменная структура самоедов прослежена автором у предков современных нганасан. Они делились на четыре фратрии или какие-то другие большие группировки, носившие названия тотемического характера и состоявшие из нескольких родов.

Аналогичное явление отмечено автором и у предков лесных энцев, известных под названием хантайских самоедов. Крупные роды этих самоедов — Юндучей, Ссыта, Аныной, Таней и Минзчи роды, по предположению автора, фратриями, а мелкие, например Ломбуев, Парасей, — родами.

В отличие от них родовая структура карасинских самоедов (лесных энцев) была несколько иной. Мелких родов у них было мало, преобладали объединения типа фратрий: Асида — 320 чел., Мангазея — 200. Все они сохранились до настоящего времени и еще недавно были экзогамными группировками. Если экзогамные коллективы типа фратрии объединяли от 30 до 80 чел. работоспособных мужчин, то роды, представлявшие части фратрий, состояли из групп родственных семей, насчитывавших 10—20 работоспособных мужчин. Таким образом, у самодийцев-олленеводов Б. О. Долгих рисуется следующую родоплеменную структуру: племя, фратрия (большой основной род) и малый род, распадавшийся уже на семьи. По мнению автора, «в рамках фратрий происходило возникновение новых и распад старых родов» (стр. 133). Следы фратриального деления, выявленные автором, несомненны. Однако отличие фратрии от рода, малого рода от большой семьи недостаточно ясно.

Большое внимание уделил автор также селькупам — народности, родственной ненцам по языку. Отметим попутно, что селькупы, так же как и ханты, обозначались в XVII в. общим термином «остяк». Лишь привлечение этнографических и топонимических данных для определения встречающихся в документах многочисленных локальных групп остяков позволило выявить предков современных селькупов.

В XVII в. селькупы — рыболовы и охотники — были значительной этнической группой — около 3000 чел. В Сургутском, Нарымском и Кетском уездах они подразделялись на волости, объединявшие от 60 до 400 чел.; в Томском уезде крупные волости, населенные ими, делились на более мелкие единицы. Эти волости (в них автор видит роды) имели эмблемы — знамена.

Кеты жили тогда в бассейне Енисея — в Мангазейском, Енисейском и Красноярском уездах. Общая численность их, по оценке автора, была 3600 чел. У кетов автору удалось выделить определенные экзогамные единицы. Так, кеты, платившие ясак в Имбатское зимовье Мангазейского уезда, делились на шесть родов: Богденский, Хонигетский, Инбацкий, Булванский, Хентянский и Зашацкий (численность работоспособных мужчин в этих родах колебалась от 7 до 30 чел.). Позднейшими этнографическими исследованиями было выявлено существование у этих кетов двух фратрий, названия которых представляют названия двух родов из числа существовавших в XVII в. (Богденского и Хентянского). Большая группа кетов обитала в Енисейском уезде. Здесь автору удалось выявить девять локальных группировок; некоторые из них, возможно, представляли собой фратрии или большие роды. Основные роды кетов объединялись парно по три группировки, возможно, племенного характера: сымско-касскую, кузнецко-кипанскую и натско-пумпокольскую. Кетоязычные племена скотоводов Красноярского уезда (аринцы, буклинцы, байкотовцы, котты, корчуны), часто соприкасавшиеся с кыргызами, подразделялись на улусы.

Приведенные в работе подробные материалы о численности и расселении самодийских и кетских племен в XVII в. имеют большое значение для понимания этнической истории Западной и Средней Сибири.

Как показал автор, северные самодийские племена — оленеводы, общей численностью около 10 тыс. чел., занимали огромную территорию от Урала до устья Оленека, доходя на юге до верховий Таза. Южная группа самодийских племен, отделенная от своих северных собратьев кетским массивом, обитала в бассейне Верхнего Енисея и его притоков. Это были скотоводы и коневоды — кашинцы, камасинцы, моторы, карагасы и другие — общей численностью 2 тыс. чел. Оленей они разводили в небольшом количестве. Само расселение самодийских племен — убедительное свидетельство в пользу южного происхождения этой этнической группы. Материалы о южной самодийской группе, ее взаимоотношениях с соседями существенно расширяют наши знания о предках современных саянских народов — тувинцах-тоджинцах, карагасах.

Для изучения этнических процессов, протекавших в Сибири в XVII в., несомненный интерес представляют данные о тунгусах-тидирисах, ассимилированных самоедами, о кетах-асанах, ассимилированных тунгусами, и о миграциях селькупов.

Огромную территорию от Енисея на западе до побережья Охотского моря на востоке в тот период занимали многочисленные тунгусские племена, подразделявшиеся на небольшие патриархальные роды и группы родственных семей. Обложенные ясаком тунгусские группы фигурировали под разными наименованиями — территориальными, родоплеменными, нередко к тому же искаженными в документах. В связи с этим автору, с целью выявления подлинных группировок тунгусов, пришлось проделать чрезвычайно трудоемкую работу по сравнению собственных имен в различно озаглавленных списках ясачных людей за разные годы. В Мангазейском уезде источники позволили автору выделить семнадцать тунгусских родоплеменных групп. Тунгусы-оленеводы занимали значительную часть Енисейского уезда (ичерильцы, топорики, варганцы и др.). Сравнительно крупные группы тунгусов-оленеводов (налягиры — около 800 чел., камчагиры — около 400 чел.) кочевали в Илимском уезде у истоков Лены и Киренги. Наиболее значительные по численности группы тунгусов-оленеводов обитали в таежной зоне Якутского уезда. Лишь на западе Якутии, в бассейне Лены и Оленека, тунгусы-азяны и синигиры проникали в тундру и вышли к побережью Ледовитого океана. Область расселения тунгусов-оленеводов обрывалась у Охотского побережья, где жили пешие охотские тунгусы. Весьма интересно выявленное автором соотношение пеших и оленных охотских тунгусов. Общая численность 26 пеших родов была около 2600 чел., численность 15 родов оленных тунгусов, занимавших огромную территорию, — около 3 тыс. чел. Близость родовых наименований обеих групп тунгусов, а также их взаимоотношения позволяют полагать, что пешие тунгусы представляли собой в XVII в. новообразование, возникшее в результате перехода части оленеводов к оседлому промысловому хозяйству. На юге Центральной и Восточной Сибири русские служилые люди встретили значительные группы тунгусов-скотоводов и коневодов. В Иркутском уезде по берегам Ангары кочевали тунгусы-кумчагиры — коневоды (около 450 чел.). В Баргузинский острог этого уезда также платила ясак группа конных тунгусов, а в Селенгинский острог — тунгусы, занимавшиеся и скотоводством и оленеводством. Большая группа тунгусов-скотоводов — нелюды и наматы, — около 8 тыс. чел., обитала в Нерчинском уезде. Наматы, как показал автор, находились под сильным влиянием монголов. Тунгусы-земледельцы жили тогда в Албазинском уезде.

Материалы о тунгусах, изложенные автором, вновь заостряют тунгусскую проблему. Крупные скотоводческие племена тунгусов, обитавшие от Иркутского уезда до Приамурья, можно себе представлять как первоначальную основу, от которой оторвались и ушли на север многочисленные тунгусские группы, перешедшие к оленеводству. Однако, как убедительно показал автор, все южные группы тунгусов находились под сильным влиянием своих соседей. Гейско-ангарские, удские, окинские, ийские тунгусы

Енисейского уезда подразделялись не на роды, а на улусы и вообще находились под влиянием бурят; впоследствии они слились с бурятами. Селегинские тунгусы-скотоводы управлялись, как и буряты, шуленгами. Под сильным влиянием монголов находились нерчинские тунгусы — наматы; под влиянием маньчжуров-дауров — амурско-зейские тунгусы. Не являются ли южные группы тунгусов новообразованием, появившимся в результате перехода оленеводов к новым формам хозяйства под влиянием своих более культурных соседей? Думается, что дальнейшее углубленное исследование археологических и этнографических материалов, а также письменных источников позволит положительно ответить на этот важный вопрос, связанный с этногенезом тунгусов.

Более определенно удалось решить автору проблему соотношения северо-западных тунгусов и северо-восточных тунгусов, так называемых ламутов. Материалы, приведенные автором, позволяют, по-видимому, отказаться, применительно к XVII в., от деления тунгусов на собственно-тунгусов и ламутов. Ламуты, как хорошо показал автор, — группа тунгусов, кочевавшая близ Охотского побережья, и группа выходцев из этих родов, отошедших в Якутию. У последних и возник этот этнический термин, прочно укрепившийся в документах.

Нерешенным остается вопрос о характере объединений, выявленных автором у тунгусов. В отличие от самодийских групп, экзогамных единиц — фратрий у большей части тунгусов автору выделить не удалось. Думается, что крупные группы тунгусов (ваняды, азяны, нюрумняль и др.) были не племенами, а большими патриархальными родами. Едва ли в каждой такой группе из 400—600 чел. был свой диалект. Малые роды, по терминологии автора, на которые делились племена, вполне возможно сблизить с большими семьями.

Значительное внимание Б. О. Долгих уделил выявлению численности и расселения бурят. В XVII в. самым северным бурятским племенем (Енисейский уезд) были икинаты (около 300 чел.) — островок бурят среди тунгусов. Икинаты были окружены данниками-кыштымами из тунгусов. По мнению Б. О. Долгих, вскруг икинатов складывалось новое племя, одним из компонентов которого были тунгусы. На примере икинатов можно видеть, как шел процесс просачивания скотоводов на север. Отдельные части племен отрывались, уходили в удобные пастбищные районы, обрастали окружением из дружественного или зависимого от них коренного населения.

Южнее икинатов, на верховьях Ангары крупным массивом были расселены булагаты, общей численностью около 7600 чел. Автору удалось установить расселение всех подразделений (улусов) племени булагатов. Отметим, что эта крайне трудоемкая работа по анализу встречаемых в документах родоплеменных наименований и выявлению местообитания отдельных родов вполне себя оправдала. Так, автором установлено происхождение Ашехабатского и Аспугатского родов; последний считался до этого в этнографической литературе особым родом.

Подробно реконструирована в рецензируемой работе карта расселения бурятов-эхеритов (шесть родов общей численностью 3250 чел.), обитавших в Илимском уезде, и хондогоров (пять родов общей численностью 1250 чел.), обитавших в Иркутском уезде.

Одним из составных элементов бурятской народности было, по данным Б. О. Долгих, большое монголоязычное племя табунутов (около 6 тыс. чел.), занимавшее территорию по правому берегу Селенги и по Хилку. Автор привел весьма убедительные свидетельства в пользу того, что хоринцы (бурятское племя, состоявшее из одиннадцати родов общей численностью 6300 чел.) в XVII в. жили не только на о. Ольхон и западном берегу Байкала, как предполагали раньше, но и в степи на восточном берегу этого озера и по правобережью Селенги.

Интересные и новые материалы содержатся в работе о якутах. В литературе неоднократно делались попытки установить численность и расселение якутов в XVII в. Однако высказанные различными авторами соображения не были в достаточной степени аргументированы. Б. О. Долгих впервые привел данные, показывающие движение численности ясачных плательщиков по всем центральным волостям якутов с 1631 по 1712 г. Установление численности, родоплеменной структуры и расселения подгорных якутов, составлявших в период вхождения Якутии в состав Русского государства основную массу якутского народа, существенным образом расширяет наши знания о Якутии XVII в. В группе подгорных якутов автору удалось выявить пять основных волостей, ответвлением которых являлись и все остальные группы якутов. В результате сложный вопрос о происхождении якутов свелся к происхождению якутского населения пяти волостей — Кангаласской, Мегинской, Борогонской, Намсуй и Батурусской. Близость некоторых этих названий к бурятским родоплеменным наименованиям — свидетельство в пользу южного происхождения якутов. Подробно рассмотрен в работе родоплеменной состав янских, вилюйских и олекминских якутов.

Общая численность якутов XVII в. была, по определению автора, около 28 тыс. чел. Для определения ее Б. О. Долгих пользовался данными учета 1650-х и даже 1660-х годов. Однако за два—три десятилетия после вхождения в состав Русского государства численность якутов могла возрасти; в состав якутов вошли, возможно, и тунгусские группы. Думается, что численность якутского народа ко времени прихода русских была меньше, всего 20—25 тыс. чел.

Весьма существенным вкладом в историю народов Севера является карта расселения юагирских племен. Как известно, в наши дни юагиры, сохранившие родной язык,

локализованы отдельными островками в бассейне рек Колымы, Чукочей и Алазен, но в устных преданиях якутов и эвенков юкагиры рисуются многочисленным народом. Документальные данные, собранные Б. О. Долгих, показали, что юкагиры занимали в XVII в. огромную территорию от низовий Лены до Анадыря. Все крупные группировки юкагиров автор рассматривает как племена. Однако размеры некоторых из этих объединений (200—300 чел.) скорее позволяют предполагать, что это не племена, а роды.

В работе рассмотрен и родоплеменной состав народов крайнего северо-востока Азии — чукчей, коряков, ительменов и айнов. Пользуясь скухими свидетельствами русских источников XVII и начала XVIII в. о встречах и столкновениях с чукчами, корректируя их позднейшими материалами. Б. О. Долгих все же удалось реконструировать карту расселения чукчей и эскимосов. В XVII в., согласно данным, приведенным в работе, оседлое береговое население Чукотки состояло из эскимосов, тогда как чукчи представляли собой сравнительно небольшую группу тундрских оленеводов, занимавших весьма ограниченную территорию.

Значительную часть Камчатки, а также районы, прилегающие к Охотскому побережью вплоть до Тауйской губы на юге, занимали тогда коряки. Наличие сравнительно большого количества архивных документов о коряках позволило нанести на карту и их группировки. Картографирование группировок ительменов и айнов было облегчено наличием обширных этнографических материалов Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. и списков ясачных плательщиков — ительменов, обнаруженных автором в Центральном государственном архиве древних актов и в рукописном фонде библиотеки им. Ленина. Реконструированная карта при всей ее условности наглядно свидетельствует о том, какие глубокие изменения произошли в расселении народов северо-востока Сибири за последние 300 лет.

В завершающей, XX главе автор рассмотрел население Албазинского уезда (Приамурье). Однако дошедшие до нас материалы XVII в. о численности и расселении народов Амура крайне фрагментарны. В связи с этим для определения численности и восстановления картины расселения этих народов автору пришлось широко привлекать позднейшие материалы. Так, численность нивхского населения, говорившего на сахалинском и амурском диалектах, определена Б. О. Долгих по аналогии с современными материалами о распространении этих диалектов. Полученные данные, разумеется, весьма гипотетичны. Как отметил сам автор, реконструированная им карта расселения народов Приамурья представляет только один из возможных вариантов. Тем не менее при современном состоянии наших знаний он может быть принят.

Всего в Сибири XVII в. автором выделены двенадцать основных этнолингвистических общностей, подразделявшихся на народности и племена. Общая численность коренного населения Сибири в тот период, вместе с населением, находившимся вне русских владений, по подсчетам автора не превышала 240 тыс. чел.

Напомним, что в 1897 г., по определению С. К. Паткалова, в Сибири было 822 тыс. чел. коренного населения; таким образом, оно увеличилось более чем в три раза. Особенно возросла численность бурят (более чем в десять раз), якутов (почти в восемь раз), сибирских татар, алтае-саянских тюркоязычных народов, чукчей. Эти данные полностью опровергают националистические басни о вымирании народов Сибири. Резкое увеличение численности ряда народов Сибири объясняется двумя основными причинами: переходом их — под влиянием русского крестьянства — к новым формам хозяйства, в первую очередь к земледелию, а также прекращением кровавых междоусобных столкновений после вхождения в состав Русского государства. Вскрыл автор и причины уменьшения численности ряда народов Сибири. Часть из них очень пострадала от оспы, часть — слилась с соседями. Так, южные скотоводы — кеты и саянские самоды — вошли в состав хакасов и тувинцев. Часть юкагиров волилась в состав русских, эвенков.

Большую ценность для изучения этнических процессов, протекавших в Сибири, представляет карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. Даже установленная автором общая конфигурация расселения основных этнических групп позволяет сделать важные выводы. Сибирь в тот период представляла собой своеобразную арену широких этнических перемещений. По-видимому, только незадолго до появления русских в Сибири тунгусы — адяны и сингыры — отделили самодийские племена от юкагиров, заняв низовья Лены и Оленека. Контуры расселения якутских племен еще раз подчеркивают то обстоятельство, что якуты были тогда еще новоселами на Севере. Голько крупные группы якутов-скотоводов, обитавшие компактными островками, могли обеспечить свою безопасность в окружении воинственных тунгусов-олениководов. Прижатые к крайнему северо-востоку чукчи в XVII в. расширили свою территорию за счет юкагиров и коряков.

Таким образом, реконструкция карты расселения народов Сибири в XVII в., с одной стороны, во многом объясняет их последующую историю, с другой, — дает возможность с большей долей достоверности углубиться в древнюю историю Сибири.

Не удивительно, что составленная Б. О. Долгих карта была использована еще до опубликования рецензируемой книги авторами «Истории Якутской АССР», «Истории Бурятской АССР» и ряда других работ о народах Сибири. Разумеется, реконструированная карта расселения этнических групп племен и родов народов Сибири в XVII в. не во всех частях одинаково полна и точна. С введением в научный оборот новых архивных материалов, возможно, уточнится расселение отдельных народностей. Думает-

ся, что некоторое уточнение этой карты было бы желательно произвести путем нанесения на нее незаселенных районов. Это можно сделать, используя землеустроительные карты, составленные в 1940—50-х годах. По-видимому, в XVII в. в Сибири было много неудобных земель. На одну такую область указал автор — это верховья Алдана, Амги и район между верховьем Амги и Леной. Однако на современных землеустроительных картах больше участков, непригодных для промыслового хозяйства и скотоводства. В целом же (это хочется особенно подчеркнуть), карта родоплеменного состава Сибири в XVII в. — большая удача автора.

Одним из важных результатов работы является также установление весьма своеобразной родоплеменной структуры у ряда народов Сибири, не совпадающей с нашими привычными представлениями на этот счет. Работа в этой области должна быть продолжена. Можно думать, что изучение ранних метрических книг, посемейных списков и ревизских сказок даст возможность более определенно обрисовать особенности родоплеменной структуры многих народов Сибири. Следует также отметить, что автору удалось не только конкретизировать наши общие представления о родоплеменном строе народов Сибири, но и хорошо показать, что этот строй не представлял собой чего-то неизменного. Судьба отдельных родоплеменных групп, прослеженная в книге, еще раз показывает, насколько сложной и своеобразной была история народов Сибири за последние три столетия. К сожалению, не все сопоставления группировок коренного населения XVII в. с группировками XIX в. обоснованы достаточно убедительно. В ряде случаев автор, видимо, стесненный размерами книги, просто указывал, какие старые группировки влились в новые. Тема о связи старых группировок, выявленных автором, с современными может, конечно, быть предметом особого исследования.

Нельзя не выразить также сожаления, что в такой фундаментальной и объемистой работе отсутствуют указатели. Географический и именной указатель были бы весьма полезны читателю. Следует отметить, что на итоговой карте расселения этнических групп и племен народов Сибири в XVII в. отсутствуют границы уездов. Это очень затрудняет пользование картой, так как материал в книге скомпонован не по народам, а по уездам.

При бесспорных достоинствах книги тем досаднее опечатки, к тому же не указанные в списке замеченных. Так, на стр. 129 таблица с перечнем источников из примечаний попала в текст; в таблице 114 (стр. 351) по вине типографии смещены колонки: даты года учета следует опустить на одну строку, а цифры численности населения поднять. В таблице 166 (стр. 492), показывающей численность плательщиков ясака на Алдане, Мае, Уде, Тугуре и Охотском море за 1656 г., следует переставить заголовки граф «уплачено» и «явилось». В таблице 138 (стр. 537) в графах численности плательщиков ясака приведена общая численность родов охотских тунгусов.

На стр. 60 упоминается волость Супра, входившая в Тобольский уезд, а на карте ее нет. На стр. 618, очевидно, в результате какого-то пропуска, утверждается, что южные кеты и саянские самоеды слились с якутами, чего, конечно, не могло быть. Много и буквенных опечаток.

Общая оценка рецензируемой книги должна быть очень высока. Работа «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» является одним из наиболее значительных вкладов в изучение истории и этнографии Сибири за последние десятилетия.

И. Гурвич

Ученые записки [Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадаса], т. 6, Махачкала, 1959, 368 стр.

Рецензируемая книга состоит из вводной статьи и трех разделов. Первый раздел — «История» (стр. 41—163) содержит шесть статей по отдельным вопросам истории и культурного строительства в Дагестане; второй — «Археология и этнография» (стр. 163—275) включает две статьи по археологии и искусствоведению и три по этнографии и, наконец, три статьи третьего раздела — «Языкознание» (стр. 275—368) посвящены исключительно вопросам языкознания.

В настоящей рецензии основное внимание обращено на этнографические статьи; остальные затрагиваются в той мере, в какой они представляют интерес для этнографа.

Сборник открывается вводной статьей Г.-А. Д. Даниялова «Рост кадров — решающее звено в развитии научно-исследовательской деятельности Института». Знакома читателя с основной проблематикой Института и давая характеристику работы отдельных секторов, автор отмечает многообразную помощь, оказываемую Институту истории, языка и литературы различными научными учреждениями и отдельными ведущими учеными. К сожалению, Г. А. Д. Даниялов не упоминает о той большой роли, которую сыграли институты Отделения исторических наук АН СССР, в том числе Институт